

ПРОБЛЕМА «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ» В ГНОСЕОЛОГИИ XX ВЕКА

В статье рассматривается проблема «человеческого измерения» в гносеологии. Показывается значение этого измерения для построения возможного варианта гносеологии XXI века. Анализ осуществляется через категорию «субъектность», которая в дальнейшем конкретизируется через диалектические категории общего, особенного, единичного.

Ключевые слова: *человеческое измерение, субъектность, объектность, диалектические категории: общее, особенное, единичное.*

R. Sterledev

THE PROBLEM OF “HUMAN DIMENSION” IN GNOSEOLOGY OF THE 20th CENTURY

The article deals with the problem of “human dimension” in gnoseology. The significance of this dimension for constructing a possible variant of gnoseology of the 21st century is shown. The analysis is carried out by means of the “subjectness” category, which is subsequently concretised through dialectical categories of the general, special, single.

Key words: *human dimension, subjectness, objectness, dialectical categories of the general, special, single.*

Одна из особенностей прошедшего XX в. связана со специфической гносеологической ситуацией, проявляющейся в двух основных моментах: во-первых, в глубоком отставании познания человека от познания природы и, во-вторых, в остром конфликте научного и ненаучного познания, находящем свое выражение в различных формах, наиболее острой из которых является борьба между естествознанием и эзотеризмом.

Отставание познания человека от познания природы наиболее ярко проявилось уже в середине XX в. В начале XX в. счита-

лось, что развитие естествознания и, в частности физики, даст мощный толчок и развитию человекознания, чего однако не произошло. Ряд исследователей указывает на этот момент. Так, В. В. Налимов пишет: «За три столетия в науке не появилось новых, существенно интересных гипотез о природе человека» [7, с. 29]. В. И. Плотников, анализируя ряд кризисных ситуаций в антропологии, также писал о том, что «...сама философская антропология представлена ныне множеством альтернативных мировоззренческих форм, типологи-

ческих вариаций и концептуальных разновидностей» [9, с. 84]. Для XX в. в изучении человека характерно, с одной стороны, наличие набора огромного количества эмпирического материала, а с другой стороны, отсутствие подлинно революционного учения о человеке, которое соответствовало бы современному формирующемуся постклассическому видению человека. Отставание в познании человека проявилось в различных формах и во всем многообразии человеческой деятельности. К концу XX в. данное отставание, несмотря на различные методологические новации, становится все более очевидным и в гносеологии.

Все многообразие рефлексии над природой теории познания можно свести в конечном счете к двум основным вариантам, выступающим как основа, на базе которой могут быть развернуты различные иные подварианты, их сочетания и т. п. В первом варианте процесс познания рассматривается как относительно самостоятельная целостная структура, которая может быть проанализирована в самых различных аспектах. Например, в познании можно выделить различные уровни, формы, методы, этапы и т. п. В этом варианте процесс познания рассматривается в чисто функциональном аспекте, а сам носитель познания — человек или в ряде случаев человеческий мозг — «выносится за скобки» или минимизируется, т. е., с одной стороны, признается его роль и значение в процессе познания, но, с другой стороны, при анализе познания в данном варианте существенного значения не имеет, так как внимание исследователя обращается на собственную логику процесса познания.

Во втором варианте познание рассматривается как элемент, принадлежащий сложно организованной системе определенного типа, которая порождает и организует данный процесс познания по принципу: целое как порождающее, часть как порожденное. В истории философии можно выделить целую совокупность таких подходов, рассматривающих познание как

элемент в целостной структуре человеческой деятельности [2, с. 44–50]. Так, например, Ф. Ницше рассматривал познание как функцию от жизни. С этой точки зрения познание соотносится с жизнью и детерминируется ею [8, с. 227], несет на себе биологический отпечаток, в ряде случаев проявляющий себя весьма явно. Жизнь же понимается в специфическом ницшеанском смысле. З. Фрейд рассматривал познание как «поверхностный слой» функционирования человеческого сознания, являющегося многоуровневым образованием, частично контролируемый человеком, а частично управляющий человеческим поведением. М. Фуко пытается понять специфику человеческого познания с помощью принципа «эпимелии» — заботы о себе. В совокупность элементов, составляющих содержание этого принципа, включается в качестве элемента и принцип познания [11, с. 284]. Таким образом, этот второй вариант также включает в себя различные попытки построить онтологию познания. Оставаясь в русле этого варианта, мы предлагаем свою версию анализа феномена человеческого познания, которая заключается в следующем.

При анализе процесса познания на основе второго варианта, построенного на выделении в нем порождающего-порождаемого, в процессе познания можно выделить две диалектические стороны, которые могут быть конкретизированы как два аспекта, два измерения, т. е. два компонента, которые предполагают друг друга, но их роль в процессе становления человеческого познания различна. Первое измерение в данном случае выступает как порождающее. Это «человеческое», которое выступает как основание, как целое, как порождающее, которое проявляется в конкретном человеке или коллективе и порождает различные виды человеческой деятельности, такие, как познание и практика. Второе измерение выступает как порождаемое. Это и есть собственно процесс познания. В XX в. теоретический акцент делался на

изучении этого второго компонента процесса познания — порождаемого или собственно процесса познания. В частности, много внимания уделялось анализу чувственного и рационального видов познания, научного и ненаучного познания, причем научное познание в XX в. вышло на первый план, а первый компонент, первое измерение — «человеческое» — оставался в тени. «Человеческое» рассматривалось в различных аспектах (социально-психологические условия познания, внутренний аспект — работа головного мозга, социально-биологический аспект, т. е. влияние на процесс познания биологических факторов: пол, возраст, темперамент, биологический возраст и т. д.), однако эти аспекты в ряде случаев были недостаточно глубоко разработаны.

Некоторые исследователи отмечали этот разрыв между степенью разработанности первого и второго измерений человеческого познания в гносеологии XX в. М. Хайдеггер в ряде своих работ высказывал мысль о том, что «идея философской антропологии» претендует на роль интегральной основы всей современной философской ситуации, способной, как некоторые полагают, «замкнуть на себе» все существенные философские проблемы» [12, с. 123]. Л. А. Микешина, анализируя гносеологическую ситуацию XX в., пишет: «Сегодня стало очевидным, что предпосылки познания не исчерпываются собственно гносеологическими параметрами и компонентами» [5, с. 120]. В другой своей работе она также отмечает: «Теория познания, по крайней мере, в отечественной философии, не самая популярная сегодня область философии» [6, с. 12]. Л. А. Микешина объясняет возникшую ситуацию рядом причин, среди которых «бесплодность и беспомощность перед проблемами XXI века, ... невыясненность ее отношений с антропологией» [6, с. 13].

Развивая эту мысль, Л. А. Микешина утверждает: «Теория познания в своих изначальных предпосылках и принципах

строилась в полной мере по образу и подобию естественнонаучной теории, при этом совершенно не учитывалась особенность человеческой составляющей познания» [6, с. 14]. Во-вторых, при анализе истории гносеологии XX в. «очевидна неполнота субъектно-объектных отношений, и также ясно, что создание этих предельных абстракций несет на себе отпечаток идеалов, критериев, представлений классического естествознания» [6, с. 16]. Выход из сложившейся ситуации Л. А. Микешина видит «в преодолении того *частичного* гносеологического субъекта, который представлен в субъектно-объектном отношении» [6, с. 17], и выход на более высокий уровень субъектной целостности, а также «преодоление традиционной гносеологии на основе взаимопроникновения философии познания и философской антропологии» [5, с. 124]. Только исследовательская работа в этом направлении может дать возможность, как подчеркивает Л. А. Микешина, преодолеть частичность, неполноту гносеологического субъекта и перейти к подлинно целостному субъекту.

Если рассматривать человеческое как носитель, порождающее, а процесс познания как порождаемое, атрибут носителя, то возникает проблема: а что такое в этом случае человек как носитель различных качеств, в том числе и познания? В данном случае человека можно рассматривать методологически в двух аспектах: как часть и как целое. Рассмотрим первый аспект — человек как часть, при этом человек рассматривается как элемент, принадлежащий системе «человек — общество — природа». Данная система в гносеологическом отношении может быть конкретизирована как «субъект-объект». Это отношение порождает проблему субъективности и объективности как базисную проблему данного отношения. Большая часть исследований указанного аспекта является производной от этой проблемы. Этому посвящен огромный массив литературы. Можно сослаться, например, на авторов сборника

«Субъект и объект как философская проблема» (1979); В. А. Лекторского (1980); К. Н. Любутина, Д. В. Пивоварова (1993); Н. В. Бряника (2003); С. А. Лебедева (2006); В. П. Кохановского, В. И. Прижигину, Е. А. Сергодееву (2005); В. В. Миронова, А. В. Иванова (2005) и др.

Во втором аспекте гносеологический субъект рассматривается как некое целое. В этом случае субъект познания соотносится не с объектом, а с самим собой в аспекте выяснения богатства познавательных возможностей субъекта, что конкретизируется в понятиях структуры, уровней, потенциалов и т. д. Данное отношение субъекта с самим собой в аспекте актуальное-потенциальное порождает проблему субъектности. Проблема субъектности требует также коррекции понятия объекта через понятие объектности, которое также может быть в дальнейшем конкретизировано с точки зрения самых различных сторон.

Такой подход нашел свою реализацию в конце XX в. в работах ряда исследователей (В. С. Степин, 2006; С. К. Абачиев, 2004; И. А. Новоселова, 2006; А. В. Брушлинский, 2003; А. Ф. Управителей, 1999 и др.). Так, В. С. Степин выделяет в акте познания действительности субъектную и объектную структуры. Субъектная структура, согласно В. С. Степину, включает в себя ценности, цели, знания и навыки. Объектная (предметная) структура включает в себя два элемента: предметный (исходный материал) и результат (предмет как определенная цель) [10, с. 106]. Анализ субъектного и объектного осуществляется В. С. Степиным с точки зрения актуального, т. е. уже существующего, с одной стороны, но с другой стороны, субъект в данном случае выступает в снятом виде, в качестве различных типов своей конкретизации. В данной статье мы предлагаем дополнить эту схему субъектности анализом с точки зрения возможного, потенциального, которое, с одной стороны, явно определяет актуальное, но с другой стороны, в ряде случаев выступает как непроявленное, скрытое.

Понятие «субъектность» может иметь много измерений, мы же среди них выделяем такое, которое позволило бы, с одной стороны, объединить актуальное и потенциальное в человеке в единое целое, а с другой стороны, позволило бы использовать и структурировать все многообразие человеческого опыта. В качестве такого измерения мы предлагаем рассматривать количество человеческого в человеке как субъекте познания и практики. Для этого понятие «человеческое» должно быть проанализировано в аспекте диалектических категорий «общее», «особенное», «единичное».

Что такое человеческое? Содержание и видение этого понятия менялось в зависимости от конкретно-исторических условий и конкретно-научного контекста. На всем протяжении XX в. наука изучала один наличный вид человека — вид *Homo sapiens*. С точки зрения этих трех категорий понятие «человеческое» выглядело следующим образом. Отдельный человек как индивид рассматривался как единичное. Человек как принадлежность некоторого сообщества рассматривался как особенное. И человек как социальная форма движения материи рассматривался как всеобщее [4]. В зависимости от философского направления, теоретической школы и пр. всеобщее могло быть понято по-разному. Мы видим, таким образом, что при данном подходе все возможное многообразие мыслящих существ отождествлялось с видом *Homo sapiens*, поскольку информации о других возможных видах мыслящих существ не было. Тем самым возникла интересная и парадоксальная ситуация. Как известно, наука всегда изучает особенное, в этом ее специфика. Антропология, история, футурология и другие гуманитарные дисциплины, претендующие на научность, до сих пор изучали не особенное, а единичное, т. е. вид *Homo sapiens* (человечество), взятый как единичное. Этот этап применительно ко всему циклу гуманитарных наук можно рассматривать как первоначальный и в этом смысле естественный, свойственный

самой логике познания. На этот момент обратили внимание исследователи. Так, например, В. А. Лефевр пишет о склонности теоретического познания XX в. «абсолютизировать земную форму жизни и цивилизацию, возникшую на ее основе» [3, с. 19].

Понятие «человеческое» является более широким, чем понятие «человек», так как включает в себя не только содержание понятия «человек», но и содержание таких понятий, как «атрибуты человека» (мышление, труд и др.), «виды человеческой деятельности», «результаты человеческой деятельности». Сюда же можно включить и то, что принадлежит человеку как актуально, так и потенциально. В понятии «человеческое» также можно выделить три уровня: единичное, особенное, общее.

Вторая половина XX в. внесла свои коррективы в конкретно-научный контекст. Во-первых, в его второй половине началось освоение космоса. Это определило проблему поиска иных форм разума в обозримом будущем с помощью современных технических средств познания космического пространства. На настоящий момент следов деятельности или сигналов иных типов цивилизаций найдено не было. И, во-вторых, начиная со второй половины XX в. человечество все чаще сталкивалось с феноменом НЛО. Данный феномен фиксировался и ранее, но всерьез не рассматривался. На настоящий момент реальное существование этого феномена установлено. Установлено также, что ряд феноменов НЛО не может быть объяснен ни природными причинами, ни причинами, связанными с результатами человеческой деятельности. Более того, некоторые действия НЛО можно трактовать как человекоподобные или содержащие в себе элементы разумного. Возникла даже специальная наукоподобная дисциплина — уфология.

Научное сообщество, по крайней мере, официально не приняло всерьез уфологию как науку на том основании, что сначала отрицался сам факт существования данно-

го феномена, позднее же факт существования НЛО стал признаваться, но объяснялся сугубо природными или человеческими факторами. В целом наука относится к собранным данным по НЛО и выводам уфологии скептически на том основании, что собранный материал не соответствует некоторым требованиям научной рациональности.

Во второй половине XX в. появился новый вид междисциплинарной теории самоорганизации — синергетика, строящая различные модели человека, природы и общества и их взаимосвязи и коэволюции. Вторым аспектом исследования человеческого с позиции использования различных формализмов выступает появившийся в конце XX — начале XXI в. особый подход, основанный на применении математических методов для моделирования исторических процессов — одно из самых молодых и перспективных направлений в обществознании. В связи с этим возникает проблема теоретичности вообще и в гуманитарных науках в частности. Теоретичность в данном случае рассматривается как степень развития теории, понимаемой как форма организации научного знания. Применительно к выше описанной антропологической проблематике можно говорить о двух уровнях теоретичности. Теоретичность первого порядка связана с обобщением эмпирического материала в пределах определенного бытийного уровня. Теоретичность второго порядка связана с обобщением уже на метаяуровне. Так, например, в естествознании обобщения на уровне макромира дали возможность создать определенный тип теоретической физики — физику макромира, имеющий в своей основе теоретичность первого порядка. Появление физики микромира и мегамира дало возможность создать более глубокий уровень физического понимания, выступающий как метаяуровень для физики макромира, т. е. построить теоретичность второго порядка. Объединение теоретичности первого и второго порядков дает возмож-

ность говорить о полноте теоретичности данного типа теории, в данном случае о полноте теоретичности физики XXI в. как конкретно-исторического этапа естественного научного познания.

Гуманитарные науки, и в первую очередь такие, как история, футурология и пр., во многом опираются на антропологию, которая как наука имеет теоретичность только первого порядка, поскольку строит свои обобщения на уровне единичного, т. е. человечества, рассматриваемого как вид *Homo sapiens*. Этот подход позволяет использовать понятие «человечество» как общее для анализа индивида или коллектива, но само оно выступает как единичное, существующее в гипотетическом классе подобных типов мыслящих существ. Применительно к человечеству, взятому как единичное, не существует в настоящий момент достаточно удовлетворительной теории, объясняющей его закономерности функционирования и развития применительно к классу подобных типов мыслящих существ, который условно можно назвать «класс человекоподобных мыслящих существ или гуманоидов». Теории развития класса гуманоидов, к которому принадлежит и человечество, в настоящий момент пока не существует.

Специфика гуманитарного познания в XX в. проявляется еще и в том, что в антропологии имеются различные теоретические модели, объясняющие закономерности существования и развития вида *Homo sapiens* как единичного вида, и уровень общего, объясняющий закономерности человека как общего, «человека вообще», т. е. человека как социальной формы движения материи. Здесь можно выделить различные варианты таких теорий: религиозные, эзотерические, научные, базирующиеся на естествознании. Достаточно сложившейся общепризнанной концепции человека как всеобщего пока не существует, хотя можно говорить о наличии различного рода концепций этого типа, таких, как концепция Ф. Энгельса, Т. де Шардена, В. В. Орлова и др.

В свете вышеприведенного материала проблема субъектности принимает следующий вид: если в XX в. отдельный человек как индивид рассматривался как единичное, а весь вид *Homo sapiens* как общее, то в начале XXI в., на наш взгляд, необходимо изменить ракурс видения, а именно — за единичное надо брать не отдельного индивида, а весь вид *Homo sapiens*. В таком случае человечество выступает уже как единичное, принадлежащее к некоему классу, включающему в себя иные виды теоретически возможных мыслящих существ, в совокупности образующих класс особенного, который ряд исследователей условно называет классом «гуманоидов», т. е. гипотетических человекоподобных разумных существ. При таком подходе в качестве общего можно рассматривать человека как социальный уровень организации материи. В таком случае мы получаем следующую схему: вид *Homo sapiens* — это единичное, принадлежащее определенному классу особенного, классу «гуманоидов». К этому классу особенного, помимо вида *Homo sapiens*, могут принадлежать и иные гипотетические виды мыслящих существ, сходных с *Homo sapiens* субстратно, морфологически по некоторым другим возможным параметрам.

Уфология как совокупность наукоподобных гипотез выделяет на основе классификации своего эмпирического материала два гипотетических класса мыслящих существ: гуманоиды и гипотетический вариант мыслящих существ — негуманоиды [1]. Гуманоиды — это человекоподобные мыслящие существа, сходные с видом *Homo sapiens* прежде всего по форме, но могущие отличаться от него по строению, отдельным функциям и т. п. Негуманоиды — это гипотетические мыслящие существа, отличающиеся от вида *Homo sapiens* прежде всего по форме и по субстрату. Мыслящее существо как социальный уровень организации материи — это то общее, что свойственно любому теоретически возможному типу мысля-

щих существ. Специфика гносеологической ситуации в данном случае в том, что с точки зрения современной антропологии класс гуманоидов включает в себя только один элемент – вид *Homo sapiens*, класс негуманоидов является «пустым» классом, просто теоретической конструкцией, которой в реальности пока ничего не соответствует.

Науке тем не менее известны случаи, когда теоретические объекты были построены как чисто гипотетические конструкции и в дальнейшем эксперименты не подтвердили их существование, т. е. они не были найдены в природе. Такая ситуация сложилась, например, в физике высоких энергий, где кварки как особый вид элементарных частиц не были найдены в природе, и тем не менее на основе кварковой гипотезы была создана стандартная модель элементарных частиц, на основе которой

были предсказаны и найдены различные иные типы элементарных частиц.

Таким образом, необходимо отметить, что современные антропология, история и футурология находятся в настоящий момент на уровне теоретичности первого порядка, что заметно снижает как аналитические, так и прогностические возможности всего цикла гуманитарного знания. Полнота теоретичности всего будущего цикла гуманитарных дисциплин XXI в. должна в идеале строиться на теоретичности всех трех уровней видения человека и человечества – общего, особенного и единичного. Таким образом, понятие «человеческого измерения» гносеологии, получив методологический импульс к своему развитию, даст возможность построения различных моделей гносеологического субъекта, базирующихся на большем количестве полноты своего содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ажажа В., Забельшенский В.* Феномен НЛО. Аргументы уфологии. – М.: РИПОЛ классик, 2007. – 704 с.
2. *Брянник Н. В.* Введение в современную теорию познания. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 288 с.
3. *Лефевр В. А.* Космический субъект. – 3-е изд., доп. – М.: Когито-Центр, 2005. – 221 с.
4. *Любутин К. Н., Пивоваров Д. В.* Диалектика субъекта и объекта. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1993. – 416 с.
5. *Микешина Л. А.* Фундаментальный поворот в понимании структуры научного знания // *Философия, наука, цивилизация* / Под ред. В. В. Казютинского. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 120–131.
6. *Микешина Л. А.* Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.
7. *Налимов В. В.* В поисках иных смыслов. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. – 280 с.
8. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра // *Ницше Ф. Сочинения: В 2 т.* / Сост., ред., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1990. – Т. 2. – С. 5–237.
9. *Плотников В. И.* Философская антропология как метафизика культуры // *XXI век: будущее России в философском измерении: Доклады Второго Российского философского конгресса (6–11 июня 1999 г.)* / Под ред. Н. В. Брянник и др. – Екатеринбург: Уральский гос. ун-т, Уральский гуманитар. ин-т, 1999. – С. 84–88.
10. *Степин В. С.* Философия науки. Общие проблемы: Учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. – М.: Гардарики, 2006. – 384 с.
11. *Фуко М.* Герменевтика субъекта // *Социологос* / Сост., общ. ред. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1991. – Вып. 1. – С. 284–311.
12. *Хайдеггер М.* Кант и проблема метафизики. – М.: Логос, 1997. – 143 с.